

Манкевич Анна Андреевна

преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
Полесский государственный университет
г. Пинск, Беларусь

Hanna Mankevich

Lecturer of the Department
of Linguistics and Professional
Communication
Polessky State University
Pinsk, Belarus
mankevich.a@polessu.by

К ВОПРОСУ О СМЕНЕ ПАРАДИГМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

ON THE ISSUE OF CHANGING OF SPEECH PARTS PARADIGM

В статье раскрывается тема парадигмы частей языка (тайгенов и ёгенов) в рамках комбинаторной семантики и детально описываются недостатки пяти принципов, по которым русисты группируют слова по частям речи: семантическому, валентностному, синтаксическому, морфологическому, словообразовательному. Автор приводит анализ знака 欧洲经济共同体 ‘Европейское экономическое сообщество’ → 欧共体 ‘ЕЭС’ как подтверждение того, что парадигма тайгенов и ёгенов применима для исследования языков различной типологии.

Ключевые слова: парадигма частей языка; тайген; ёген; комбинаторная семантика; части речи; типологические исследования.

The article encloses the topic of language parts paradigm (taigens and yogens) in terms of combinatory semantics and describes in detail the disadvantages of the five principles used to determine words in parts of speech: semantic, valence, syntactical, morphological, and word-building. The author gives the analysis of the sign 欧洲经济共同体 (European Economic Community) → 欧共体 (EEC) as the proof of the fact that the paradigm of taigens and yogens is applicable for the investigation of the languages of different typology.

Ключевые слова: language parts paradigm; taigen; yogen; combinatory semantics; parts of speech; typological investigations.

Чем дольше живёт язык, тем богаче,
разнообразнее и утончённее он становится.
То, что произошло с китайским языком,
будет происходить с языками поможе по ходу
их истории в их собственной уникальной
и присущей им самим форме [1].

Шаррон Гу

В настоящее время китайский язык является объектом пристального внимания многих лингвистов. Но так было не всегда: на протяжении многих лет основным источником данных для языкоznания были европейские языки, которые коренным образом отличаются от китайского, вьетнамского, тибетского, банту и других палеоевразийских, amerindских и нигероконголезских языков [2, с. 1]. Все это привело к тому, что в науке о Языке образовались «белые пятна», т. е. совокупность языков, которые отличались от изучаемых

европейских. Вместо того, чтобы искать универсалии в антитетических¹ языках, многие европейские лингвисты стали пытаться «подогнать» азиатские языки под европейские языковые категории.

Своебразие аппликативных² языков в грамматике, лексике и, разумеется, в словообразовании долгое время оставалось за пределами европейского знания. В китайском языке нет морфологии в европейском понимании этого термина, поэтому теория о нем не может основываться на «отлатинской» грамматике.

Теория аппликативных языков, к которым относится китайский, изначально должна строиться на абсолютных лингвистических универсалиях. Это можно подтвердить, используя аргументы прошлого, тех далеких дней, когда наши предки только начинали использовать язык как средство коммуникации. Так, советский антрополог В. В. Бунак говорит о первых языковых знаках, представлявших собой наглядно-образные изображения предметов, что наблюдалось повсеместно среди практически всех представителей древнейших народов [3]. В отличие от ностратических языков, письменность которых тоже произошла из рисунков-знаков, китайское идеографическое письмо остается таковым почти две тысячи лет.

Следует отметить замену пиктографического письма идеографическим и далее – буквенным. Перед нами очевидная последовательность преобразований одного типа письменности в другой: пиктография → логография³ → слоговое письмо → фонография. Может показаться, что этот эволюционный процесс неизбежен, однако идеография сохранилась в китайском языке. Буквы кодируют типы звуков речи, и, следовательно, для представления текста используется их ограниченный набор (в пределах нескольких десятков). Иероглифы кодируют понятия, а это значит, что для представления текста должны быть использованы тысячи знаков (до 50 тыс. иероглифов в древнекитайских памятниках). Иероглифическая запись непосредственно раскрывает смысл. Значимые графемы, способы образования новых слов – все это во многом остается неизменным на протяжении чуть ли не всей истории китайской культуры, что, кстати, во многом связано с тем, что Китай не хотел вступать в активный контакт с другими странами, и по этой причине считался «отдельной планетой» со своей письменностью, особыми языковыми знаками, тесно связанными с мышлением. Идеографию можно было бы использовать в качестве универсальной системы письма, подобно существующей нотной грамоте. Из нот складывается музыка, в то время как из иероглифов и передаваемого ими смысла – Язык человека.

---

¹ Подробнее см. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. II / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – 434 с.

² Подробнее см. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2007. – 1 CD-ROM.

³ Подробнее о логографии см. Карасёва, К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Карасёва Ксения Владимировна ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2019. – 29 с.

Следовательно, китайский язык можно считать «основами основ», базисом для исследования Языка как общечеловеческого явления, проведения сравнительного анализа и типологического изучения.

Степень сохранности китайских иероглифов превосходит любые другие известные науке формы идеографического письма. Четкое осознание этого обстоятельства ведет к предположению, что существовали и существуют общеязыковые пути развития и что они сопоставимы. Именно через китайскую логографию можно восстановить универсальный характер языка.

Русский и китайский языки пришли в свое современное состояние после огромных изменений первого и относительной сохранности второго. Такое различие долгое время было препятствием к их сравнительно-сопоставительному анализу. Одним из аспектов типологии, который вызывал у лингвистов серьезные затруднения, была унифицированная классификация частей речи. Как отмечали Г. Пауль и Ф. Ф. Фортунатов, – пишет С. Д. Канцельсон, – старая классификация частей речи не имела единого принципа деления, а смешанные критерии (морфологические, синтаксические и лексико-семантические) невозможно привести к единому знаменателю. В добавление к сказанному, С. Д. Канцельсон утверждает, что «при постановке проблемы в типологическом плане логическая непоследовательность и сбивчивость традиционного учения становятся серьезной помехой на пути к теоретическому осмыслению фактов, ибо они не могут служить отправной точкой для построения универсальной теории грамматических классов» [4, с. 37].

Особенно критикуется «узкий морфологизм» как ориентированный исключительно на синтетические языки. Его невозможно применять при анализе языков иного типа [5, с. 41–42]. В понимании частей речи по этой причине всегда ощущалась зависимость от того типа языков, с которыми имел дело ученый, что не могло не расцениваться в дальнейшем как доказательство очевидного факта: в иерархии признаков, которыми могут обладать части речи в разных языках, доминирующими становятся разные признаки [6, с. 42]. История изучения частей речи демонстрирует поэтому развитие различных направлений в их истолковании, зависящих именно от того, какие из признаков частей речи понимаются как ведущие и основополагающие.

При этом, несмотря на ярко выраженный морфологизм теорий о частях речи в русской лингвистике, понятийные (семантические) признаки отдельных частей речи никогда не ускользали от внимания исследователей. Так, М. В. Ломоносов говорил о том, что «человек указывает другому идеи вещей и их действий с помощью слов, при этом изображения словесных вещей называются имена, например, небо, очи; изображения действий – глаголы, например, синеет, видят» [3, с. 98].

Несопоставимость русских и китайских языковых категорий всегда была препятствием на пути к проведению серьезных типологических исследований. Объясним, почему причина подобной несопоставимости кроется не в генетической, типологической и ареальной противоположности упомянутых языков, а в противоречивости традиционной классификации частей речи.

Под частью речи в ориентированной на европейские языки общей лингвистике понимается определенный лексико-грамматический класс слов, т. е. исходным пунктом классификации выбирается лексическое значение слова и его грамматические показатели (морфологические и синтаксические). Вслед за представителями общей лингвистики, русисты объединяют слова в части речи по пяти принципам:

1. Семантическому.
2. Валентностному.
3. Синтаксическому.
4. Морфологическому.
5. Словообразовательному.

I. Семантический принцип опирается на категориальные значения знаков и позволяет выделить четыре части речи:

1) имя существительное – часть речи, обозначающая предмет. Но в самом определении существительного уже есть несоответствие, ведь со времен Аристотеля предметность рассматривается как субстанция. При этом «десятилетие», «вздох» и многие другие существительные – не предметы;

2) имя прилагательное – часть речи, обозначающая признак предмета. Но в сочетании *плановое исполнение*¹ признак характеризует не предмет, не субстанцию, а действие. Таким образом, логичнее было бы утверждать, что в этом случае, по принятой классификации, *плановый* – наречие;

3) глагол – часть речи, обозначающая действие или состояние. Вопреки данному определению, многие языковые знаки, означающие действие или состояние, классифицируются как существительные, например, слова *критика, суверенизация*;

4) наречие – часть речи, которая, по логике, должна была бы называть признак действия или состояния (*медленно развиваться*), однако в добавление к этому обозначает также признак предмета (*кофе по-варшавски*) и признак признака (*чрезвычайно важный*).

Омонимичные знаки *адекватно* и им подобные относятся к разным частям речи на основании синтаксического принципа – роли в предложении. Например, в предложении *Тогда и окружающая общественность поймет твои эмоции адекватно* языковой знак *адекватно* – наречие в роли обстоятельства образа действия, а в предложении *Было принято решение выбрать председателя Высшего совета, что более адекватно требованиям современной политической жизни* этот знак – прилагательное в роли именной части сказуемого.

II. Валентностный принцип, призванный подтвердить категориальный статус частей речи через специфику их сочетаемости (прилагательные соглашаются с существительными – *значительные усилия*, наречия примыкают к глаголам и прилагательным – *быстро развиваться, очень быстрый*, глаголы управляет существительными – *изменить ситуацию*), не применим для

---

¹ Здесь и далее русские примеры взяты из Корпуса текста русского языка [6].

целого ряда сочетаний, например: *нация хань* (существительные примыкают к существительным), *изменение ситуации* (существительное управляет существительным) и т. д.

III. По синтаксическому признаку к одной части речи относят слова, способные занимать в предложении одинаковые синтаксические позиции или выполнять одинаковые синтаксические функции. При этом учитывается не только набор синтаксических позиций и функций, но и типичность каждой из них для данной части речи. По степени характерности синтаксические функции делят на первичные и вторичные. Так, первичная синтаксическая функция существительного как части речи – выступать в роли подлежащего и дополнения. Первичная функция глагола – быть сказуемым, прилагательного – определением, наречия – обстоятельством. Синтаксические функции частей речи подвижны: в русском языке глагол выступает сказуемым, но не всякое сказуемое – глагол; существительное может быть подлежащим, но не всегда и не всякое подлежащее – существительное.

IV. По морфологическому признаку в русском языке выделяются слова неизменяемые, например, наречия, и изменяемые, например, существительные и глаголы, имеющие парадигму словоформ. Морфологические признаки не являются универсальными, они значимы только для флексивных и агглютинативных языков.

V. В языках с богатой морфемикой словообразовательный признак части речи – набор ее словообразовательных моделей и словообразовательных средств, а также способность различать основы для пополнения лексики других частей речи. Так, для глагола как части речи русского языка типично внутриглагольное префиксальное словообразование, для имени существительного – внутрисубстантивное суффиксальное словообразование. Глагольные основы в русском языке служат для образования отглагольных имен существительных.

Как видим, в русском языке принято пять оснований для одной классификации, но проблема окончательно не решена. Количество частей речи варьируется от четырех до тринадцати; неопределен категориальный статус местоимений, числительных, междометий и звукоподражаний. Кроме того, многие существующие в языкоznании противоречия вызваны смешением теории с метатеорией из-за совпадения объекта и инструмента исследования. Как отмечает А. Н. Гордей, «порой не только педагоги, но и типологии склонны подчинять цель выбранным средствам, а не выбор средств – цели» [5, с. 40]. А ведь при проведении типологических параллелей русского и китайского языков следует помнить, что цель – сравнение этой пары языков в определенном типологическом аспекте, при этом точка отсчета – языковая категория. В задачи типологов входит создание универсальной классификации частей речи. Сопоставление китайского и русского языков было нерелевантным именно из-за того, что ученые долгое время рассматривали греко-латинскую классификацию частей речи как универсальную. Однако универсальной будет та, которая приемлема для адекватного типологиче-

ского анализа флексивных и аппликативных языков. Для этого в ней основное внимание должно уделяться семантическому признаку, подтверждаемому комбинаторно, т. е. синтаксически. При этом релевантными оказываются лишь те языковые категории, которые выделены процедурно, закреплены декларативно и подтверждены комбинаторно [7, с. 5]. Данному требованию, на наш взгляд, отвечает развивающаяся в комбинаторной семантике парадигма частей языка, восходящая к китайско-японской лингвистической традиции.

Мы уже обращали внимание на то, что традиционное понимание таких категорий, как «глагол», «прилагательное» не может в полной мере объяснить целый ряд явлений в современном китайском языке, что связано, в том числе, с особенностями китайского иероглифического письма. Например, используя традиционные грамматические понятия, можно сказать, что в предложении 代表团从莫斯科直飞北京 *dàibìdiǎotuán cóng Mòsīkē zhí fēi Bēijīng* (делегация летит из Москвы в Пекин) процессуальный знак 飞 ‘летать’ является глаголом, тогда как в предложении 飞机降落了 *fēijī jiàngluò le* (самолет приземлился) этот же знак 飞 является прилагательным ‘летающий’. В соответствии с положениями комбинаторной семантики, семантически все знаки делятся на тайгены и ёгены. Тайгены обозначают индивидов, например, 大使 ‘посол’, а ёгены, в свою очередь, обозначают признаки индивидов, например, 飞 ‘летать’, ‘летящий’.

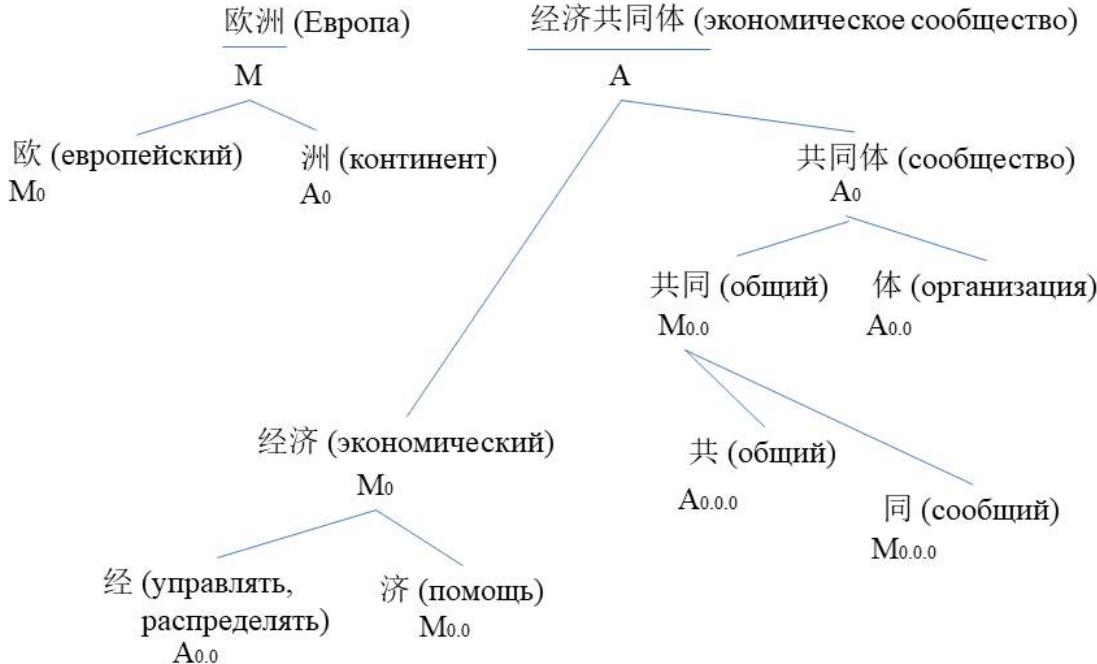
Тай- в слове тайген называет «субстанцию, сущность», в то время как ё- в слове ёген означает «процесс, явление». Ёген не просто указывает на процесс, явление как понятие: ёген говорит о процессе, явлении применительно к субстанции, сущности, которую обозначает тайген. Ряд знаков в глототогенезе не подверглись специализации и в современном китайском языке могут рассматриваться как тайгены и/или ёгены, например, слово 组织. В сочетании 组织内阁 ‘формировать кабинет’ данный языковой знак – ёген, в названии организации 联合国组织 ‘Организация Объединенных Наций’ – тайген. В некоторых случаях системные тайгены могут использоваться как ёгены и наоборот, например, 欧洲 ‘Европа’ – системный тайген, который в сочетании 出访欧洲 ‘отправиться в Европу’ реализуется как тайген согласно принадлежности к этому множеству знаков, а в 欧洲文化史 ‘история европейской цивилизации’ этот системный тайген используется как ёген. При этом существует атрибутивный суффикс 的, который гарантированно переводит знак из тайгенов в ёгены: 欧洲的 ‘европейский’.

Отметим, что употребление ёгена в качестве тайгена и наоборот не столько меняет системную языковую категорию знака, сколько характеризует позицию, в которой оказывается знак, как субстантивную.

Рассмотрим для примера лексическую единицу из предметной области «дипломатия»:

欧洲经济共同体 ‘Европейское экономическое сообщество’ → 欧共体 ‘ЕЭС’

Языковой знак 欧洲经济共同体 ‘Европейское экономическое сообщество’ состоит из модификатора 欧洲 ‘Европа’ и актуализатора 经济共同体 ‘экономическое сообщество’, рекурсивный анализ знака представлен на рисунке.

Рекурсивный анализ знака «欧洲经济共同体»

Модификатор 欧洲 ‘Европа’ – тайген, состоящий из актуализатора второго уровня рекурсии 州 ‘континент’ и модификатора второго уровня рекурсии 欧 ‘европейский’.

Развернутый актуализатор 经济共同体 ‘экономическое сообщество’ – тайген, состоящий из актуализатора второго уровня рекурсии 共体 ‘сообщество’ и модификатора второго уровня рекурсии 经济 ‘экономический’.

Языковой знак 经济 ‘экономический’ может выступать в роли и тайгена, и ёгена, что видно по следующим примерам:

我们过去侧重提供援助，现在强调经济合作 [4]. Wǒmén guòqù cè zhòng tígōng yuánzhù, xiànzài qiángdiào jīngjì hézuò. ‘Раньше мы уделяли особое внимание оказанию помощи, сейчас делаем упор на экономическое сотрудничество’. Здесь 经济 – ёген ‘экономическое’.

我们要繁荣经济. Wǒmén yào fánróng jīngjì ‘Мы будем стимулировать экономику’. Здесь 经济 – тайген ‘экономика’.

В языковом знаке 欧洲经济共同体 ‘Европейское экономическое сообщество’ знак 经济 ‘экономический’ выступает в роли ёгена.

Модификатор 经济 ‘экономический’ состоит из актуализатора третьего уровня рекурсии 经 ‘управлять, распределять’ и модификатора третьего уровня рекурсии 济 ‘помощь’.

Актуализатор 共体 ‘сообщество’ состоит из модификатора третьего уровня рекурсии 共 ‘общий’ и актуализатора третьего уровня рекурсии 体 ‘организация’.

共同 ‘общий’ – бинарный языковой знак, в котором актуализатор 共 ‘общий’ обозначает исходное понятие *общий*, а модификатор 同 ‘сообщий’ – новое понятие *сообщий*. Семантика актуализатора шире, чем семантика модификатора, происходит включение: актуализатор включает в себя модификатор, таким образом, осуществляется возвращение к прототипу.

Свертка происходит в пользу модификатора первого уровня рекурсии 欧 ‘европейский’, модификатора третьего уровня рекурсии 共 ‘общий’ и актуализатора четвертого уровня рекурсии 体 ‘организация’.

Свертка – в пользу актуализатора 体 ‘организация’, поэтому происходит видоизменение языкового знака, а не образование нового, следовательно, аббревиатура простая.

Полученный языковой знак 欧共体 ‘ЕЭС’ является тайгеном, который в некоторых случаях может входить в более сложные атрибутивные синтагмы.

欧共体援助“青藏高原草原畜牧业开发”项目 [5]. Ōugōngtǐ yuánzhù “qīngzàng gāoyuán cǎoyuán xùmùyè kāifā” xiàngmù «ЕЭС» оказало помочь в реализации проекта «Развитие земледелия и пастбищного животноводства на Тибетском нагорье». Здесь 欧共体 ‘ЕЭС’ выступает в роли тайгена.

欧共体官员指出：“过去10年的历史经验已说明，仅仅靠经济增长并解决不了失业问题” [4]. Ōugōngtǐ guānyuán zhǐchū: “guòqù 10 nián de lìshí jīngyàn yǐ shuōmíng, jǐnjǐn kèào jīngjì zēngzhǎng bìng jiějué bùlìào shīyè wèntí. «Официальные лица ЕС отметили: «Исторический опыт последних 10 лет показал, что, полагаясь только на экономический рост, решить проблему безработицы невозможно»». Здесь 欧共体 ‘ЕЭС’ – тайген, выступающий в роли ёгена.

Таким образом, лингвисты постепенно отходят от традиционной классификации частей речи, что является естественным процессом, особенно в эпоху цифровизации и автоматической обработки данных на естественном языке. Без проб и ошибок прогресс невозможен – сегодня человек не смог бы летать на самолете без тщательного изучения законов аэродинамики, которые много раз оспаривались и подтверждались вновь. Наука не может стоять на месте, и смена парадигм в процессе развития неизбежна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sharron, Gu. A Cultural History of the Chinese Language / Gu. Sharron – URL: https://www.academia.edu/1136576/A_Cultural_History_of_the_Chinese_Language (date of access: 12.09.2024).
2. Корпус текста русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.02.2025–17.02.2025).

3. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений // Труды по филологии : сб. науч. тр. – М., 1952 г. – 407 с.
4. Курдюмов, В. А. Китайский язык как идеальный / экзистенциальный объект лингвистики. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archi-ve_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
5. Гордей, А. Н. Типологические аспекты словообразования / А. Н. Гордей, Сунь Кэвэнь // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. II / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Лу Гуйчэн [и др.]. – Минск : РИВШ, 2011. – 434 с.
6. Гордей, А. Н. Парадигма частей языка / А. Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VIII Междунар. науч. конф. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 115 с.
7. Гордей, А. Н. О декларативном и процедуральном представлении знаний / А. Н. Гордей // Иностр. языки в высшей школе / ФГБОУВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2021. – Вып. 3 (58). – С. 5.

Поступила в редакцию 20.03.2025